

НИНКОЕ СОЗВЕНИЕ
Москва

23 АПР 1982

ВЕНИАМИН Каверин интересен читателю с того давнего времени, когда вошел в литературу, и до сегодняшнего дня. Он всю свою долгую жизнь в литературе — **современный** писатель. Прежде всего. Разумеется, историки литературы «по живому следу» не раз прошли его путь «за пядью пядь», он вошел в историю литературы с первыми же своими книгами, его произведения всегда исследовались и осмысливались специалистами, но, пристально изучаемый в науке о литературе, Каверин продолжал быть современным писателем. И продолжает быть им сегодня.

В мою читательскую жизнь Каверин вошел во второй половине 30-х годов: «Два капитана» взволновали мальчишеское воображение почти так же сильно, как «Три мушкетера». Выразить свои чувства в письме автору даже не приходило в голову. Это было бы столь же невероятно, как черкнуть несколько слов признательности Александру Дюма.

В отрочестве, в юности, в молодости людей моего поколения увлекали новые книги Каверина. Их стремились достать, о них спорили: на них нападали, их защищали. Его вещи трепетно любили и (случалось) бестрепетно отвергали. Звучали порой в критике предвзятые или (лет 30 назад) категоричные некомпетентные суждения: без понимания жанра произведения («Открытой книги»), без понимания авторского замысла. Это было так, как если б гоголевский «Нос» обсуждали и осуждали ларингологи.

Каждое десятилетие его вещи оказывались среди тех, что особенно привлекли к себе читающую публику. Напомню коротко: в 20-е годы сильный отзвук вызвали роман «Скандалист» и повесть «Художник неизвестен», в 30-е — роман «Исполнение желаний» и роман «Два капитана» (книга первая), в 40-е «Два капитана» (книга вторая) и роман «Открытая книга» (часть 1-я трилогии), в 50-е — «Открытая книга» (части 2-я и 3-я), в 60-е — «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...» — сборник воспоминаний о самых ярких днях, событиях, встречах, какие были в жизни, размышлений о самых значительных художниках века. В 60-е же появилась повесть «Семь пар нечистых», вышел в свет роман «Двойной портрет», написан был роман «Перед зеркалом». В 70-е — трилогия «Освещенные окна».

...Принимаясь за эту маленькую статью, я собирался перелистать тома сочинений Каверина, которые в разное время, иные — недавно, внимательно и увлеченно читал. Но ни одну хорошо знакомую вещь не смог перелистать: тотчас втягивался в перечитывание, забывая о времени, испытывая такое волнение, точно не знал судеб героев и желал, не откладывая этого на будущее, узнать их. Как в детстве, я читал по ночам, но иначе, чем в детстве: куда медленнее, не влекомый к счастливому кон-

цу, а ведомый по доброй воле, замечая все горькие подробности пути, к печальному концу.

Финалы в «Двойном портрете» и «Перед зеркалом» — романы эти я впервые прочел сразу после того, как они были написаны, — означали, что Каверин выбрал в жизни и сделал своими главными героями в литературе людей такой судьбы, которая превратила его в автора «тяжелых книг». Целая категория читателей, готовых сильно переживать при непереносимом условии, что будет вознаграждена счастливым концом, была несколько озадачена.

подобными утверждениями и не пытался их оспорить даже мысленно, почему-то не замечая противоречия в самом разделении Тынянова как бы на двоих. На двоих, хотя следовало догадаться, что они неотделимы друг от друга.

Сегодня воспринимается как нечто бесспорное, что Тынянов «не стал бы романистом, если бы не был знатком истории литературы, мастером исторического изучения, умевшим сопоставить бесконечно далекие факты и делать из них выводы, неожиданно и блистательно опровергающие готовые представления». Это не вызывает сегодня сомнений не только по-

ВСЕГДА СОВРЕМЕННЫЙ

О творчестве Вениамина КАВЕРИНА

В свое время Каверин как-то заметил, не выделяя своих слов курсивом, что настоящее произведение — всегда поступок, а отсутствие поступка равнозначно отсутствию произведения. Это замечание подтверждено томами его сочинений и возникшей вокруг них полемики, вероятно, многим памятной. Все-таки хочу напомнить о нескольких из важнейших поступков писателя, мне лично запомнившихся навсегда — должно быть, и потому, что они — превосходные произведения нашей словесности. Я имею в виду статью о М. А. Булгакове, опубликованную в 1965 году и в том же году ставшую предисловием к сборнику драм и комедий писателя (девять пьес впервые объединили в книгу). В этой статье, содержащей так много проникательного понимания пафоса работы писателя для театра, Каверин находит повод и место для того, чтобы сказать о романе «Мастер и Маргарита» (тогда существовавшем лишь в рукописи и отнюдь не включенном в какие-либо перспективные издательские планы): «...несмотря на всю его сложность, давно пора издать, потому что по своей общности едва ли найдется ему равный во всей мировой литературе».

Еще произведение и — поступок. Портрет Ю. Н. Тынянова. В статье «Юрий Тынянов» развены, опровергнуты некоторые ложные, распространенные в свое время представления, ставшие привычными даже для людей, получивших серьезное филологическое образование. В частности, соображение, которое в студенческие годы я услышал с кафедры и, приняв на веру, — соображение, будто Тынянов — прозаик, автор исторических романов, заслуживает самой высокой похвалы, тогда как Тынянов — теоретик и историк литературы совершал досадные ошибки и высказывал путаные взгляды... Я конспектировал лекции с

тому, что мысль отлично формулирована и убедительно, изобретательно развивается в статье, но еще и потому, что процитированная мысль (и другие важные мысли) без устали отстаивалась Кавериным в многолетних спорах.

«Не надо заводить архива, над рукописями трястись». Как покоряюще убедительно это в известном стихотворении и как это неверно в иных случаях: применительно к работе историка, исторического романиста. Им необходим архив!

В очень давние времена Тынянов трагически воспринимал гибель архивов: «— ...память гибнет», — сказал он с отчаянием.

Каверин и позже возвращался к этой теме. В «Двойном портрете» рассказчик, обретавший в ходе повествования все большее сходство с автором, вспоминал встречу, происшедшую несколько эпох тому назад: «Я зашел к другу, глубоко ученому, занимавшемуся историей русской жизни прошлого века.

— Смотри, — сказал он, подведя меня к окну...

И я увидел... воздух двора, рассеянную, незримо-мелкую пепельную пыль...

— Что это?

— Память жгут. — И он заговорил о гибели писем, фотографий, документов — драгоценных, потому что из них складывается история народа».

Каверин взялся за воспоминания, стремясь, чтоб память о необыкновенном времени непременно сохранилась.

В «Освещенных окнах» он сделал чрезвычайно много для того, чтобы народ знал свою историю в тысячах конкретных подробностей, а не в общих чертах, которые никому не интересны. Знал историю во многих десятках драматических коллизий, характеризующих время; в сотнях судеб людей, связанных друг с другом, с прошлым и будущим, с каждым из нас...

Макс БРЕМЕНЕР.